

УДК 94(5)+94(410)"1870/1879

Богомолова Н.Н., кандидат исторических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ОБРАЗ КОЛОНИАЛЬНОГО «ДРУГОГО»: ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АНГЛИЧАН В 1870-е гг.

В статье раскрываются механизмы репрезентации образа Восточного Туркестана, представленного в британской прессе в период экспедиции в Кашгарию чиновника англо-индийской администрации и политического советника по среднеазиатским делам сэра Д.Форсайта. Тема вписывается в проблематику образа колониального «Другого». Процесс его формирования показан посредством исследования тестовой и визуальной составляющей образа Восточного Туркестана, представленного в прессе метрополии данного периода. В центре внимания находится анализ новизны и преемственности восприятия британцами культуры, традиций и персоналий региона. Особое внимание уделяется нарративным приемам, с помощью которых британцы осмысливают особенности колониального «Другого», репрезентированного в первом массовом иллюстрированном журнале «The Illustrated London News» и таких изданиях консервативного толка, как «The Daily Telegraph», «The Morning Post», «The Standard», «The Manchester Courier», «The Leeds Intelligencer». Рассматриваются конкретные стилистические средства, используемые британской прессой при конструировании образа колониального «Другого» на страницах печатных изданий. Анализируются особенности восприятия викторианцами политической титулатуры Восточного Туркестана, местных жителей, их внешнего облика и личностных качеств, природных условий, городов, поселений, особенностей быта.

Ключевые слова: образ, колониальный, «Другой», инаковость, «полуварвары», репрезентация, восприятие, викторианские представления, стереотип.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-03-16-33

Британские представления о регионе Средней Азии вписываются в более широкий контекст изучаемой в исторической науке, культурологии, политической лингвистике, имагологии и социологии проблемы – феномена колониального «Другого». В исследуемый период 1870-х гг. имперская шахматная доска продолжала расширяться, включая в себя новые территории. В рамках «Большой игры» район Восточного Туркестана или Кашгарии играл одну из ключевых ролей. Интерес Великобритании к территориям Кашгарии основывался на факте, что

тот непосредственно прилегает к Британской Индии с северо-запада. А, значит, устройство линии обороны Индии от предполагаемого русского вторжения путем создания цепи буферных полуварварских государств было главным стратегическим замыслом; также имелись экономические планы империи по приобретению здесь новых рынков сбыта (для Великобритании через территорию Средней Азии и России пролегал кратчайший путь для поставки промышленных товаров из метрополии в Индию).

Кроме того, в этот период времени

англичане обнаружили, что Афганистан и Кашгария не граничат, а разделены крупным горным хребтом. Между ними зияет промежуток шириной в пятьдесят миль, о чем могут узнать и русские. Тогда они смогут «вбить узкий клин настоящей российской территории» [13, с.420] между Восточным Афганистаном и Кашгарией, и таким образом оказаться еще ближе к Северной Индии. В связи с этим фактом, британское правительство озаботилось учреждением постоянной миссии в Кабуле, но эмир Шер Али даже не согласился на переговоры по этому вопросу, тем самым стала вырисовываться перспектива войны с Афганистаном. Негодование Великобритании по поводу поведения афганского эмира хорошо выразил лорд Лоуренс, бывший генерал-губернатор Индии: «говорят, ни одна нация не имеет права вести изолированную политику и отказываться иметь контакты с соседями... Цивилизованные народы могли бы со мной поспорить в этом вопросе, но это недопустимо, я полагаю, во взаимоотношениях цивилизованных правительств с одной стороны, и диких народов - с другой» [18, 1878.5.10].

На фоне разжигания «русской угрозы» активизируется узнавание Памира. Его наиглавнейшим пунктом были географические исследования и картографирование. Как отмечает А.В. Постников [11], исследования вопросов территориальной принадлежности памирских земель влияли на принятие решений стран-соперниц (России, Великобритании, Китая, Афганистана), включенных в «Большую игру» по вопросам территориальных притязаний сторон. П. Хопкирк отмечал, что «в те времена Китайский Туркестан и на

британских, и на русских картах изображался в виде обширного белого пятна с приблизительным обозначением местоположения городов и оазисов вроде Кашгара и Яркенда. Отрезанный от остальной Центральной Азии высокими горными цепями, а от Китая бескрайним пространством пустыни Такла-Макан, он оставался одним из наименее изведанных регионов земли» [13, с.383]. На этом фоне бесспорное преимущество англичан заключалось в том, что они к 1870-м годам знали о Памире и окружающих его странах больше, чем русские, которые были вынуждены опираться во многом на сведения, полученные в Центральной Азии косвенным путем. Помимо этого, информация предоставлялась их оппонентами на переговорах, ведущую роль в которых играл «лично знакомый» с Памиром сэр Дуглас Форсайт [11, с.47].

Чиновник англо-индийской администрации и политический советник по среднеазиатским делам сэр Дуглас Форсайт, дважды побывавший в Кашгарии, имел официальное звание «посланник в Яркенд» [14, р.49], считался специалистом по региону и важной фигурой в деле установления прочных отношений с новым кашгарским правительством. Тот же П. Хопкирк утверждал, что «в то время крайне трудно было провести разделительную черту между просто изысканиями и сбором разведанных», чем, собственно, и занималась экспедиция сэра Дугласа Форсайта, посланная летом 1873 г. лордом Нортбруком через Каракорум в Кашгарию. «The Illustrated London News» отмечают, что «сэр Д. Форсайт послан во владения эмира Якуб хана

для проведения переговоров по торговому соглашению»[18, 1874.21.11]. В другой статье консервативного издания “The Morning Chronicle” отмечалось, что «недавно начатые дипломатические переговоры», и, собственно, вся политика Британского правительства в Индии сводится к «нахождению прохода в эту отдаленную страну в целях коммерции» [17, 1875.03.04]. Д.С. Боульджер отметил живейший интерес, с которым англо-индийские власти относились к этому вопросу: «для нашей торговли открылся новый путь. Восточный Туркестан, помимо всего прочего, мог стать удобными воротами к рынкам Бухары и Кульджи. В наиболее близком соседстве с нами можно было бы возродить нефритовые промыслы Хотана, и одна только шерсть Татарии, пользующаяся старинной славой, составила бы важную статью торговли. Да и манчестерские и индийские товары имели широкие возможности сбыта в густо населенных районах Яркенда и Кашгара»[15, р. 216]. Естественно, эта дипломатическая миссия, тонко замаскированная под коммерческую, имела совсем иные цели: собрать как можно больше политических и стратегических данных о спорном с Россией регионе. Официальные цели миссии определяли специфику информации, представленной в прессе метрополии. К 1870-м гг. активность британских путешественников в этом регионе стала носить легальный характер, что, во многом, способствовало появлению обширных данных о соседней с Британской Индией стране, которые публикуются в виде многочисленных отчетов, сообщений, исследований [1, с.105].

В этой связи в прессе метрополии начался процесс повышения интереса общественности к новому государственному образованию Йэттишар. Так, сюжетные линии включали в себя главным образом топографию местностей, описания городов, а параллельно с этим читателям предоставлялась информация о культуре и традициях неизведанного региона мира. Важно, что специфика изучения текста и иллюстраций в первом иллюстрированном журнале метрополии “The Illustrated London News” проявляется в неразрывной взаимосвязи вербального и невербального компонентов. Лингвисты ввели понятие креолизованного, или семантически «нагруженного» текста. Разделяя мнение о том, что вербальный компонент (собственно текст) наполняется особым значением, если соотносить его с изображением, мы говорим об огромной силе воздействия креолизованного текста на читательскую аудиторию. Расшифровка языка знаков или креолизованного текста – это метод изучения системы ценностей поздневикторианского общества, особенностей его колониального мировоззрения, и, детальнее, представлений о колониальном «Другом».

Мы не найдем в образе Кашгарии ярких, подробных характеристик «Другого» мира, образы складываются из отрывочных сведений о далекой горной стране, в первую очередь, о ее географии.

«С эскортом пехоты и конницы корпуса разведчиков, многочисленными переводчиками, секретарями, клерками и слугами делегация насчитывала триста пятьдесят человек и пятьсот пятьдесят вьючных

животных»[13, с. 413] и по праву считается самым многочисленным караваном за всю историю англо-кашгарских связей. Путь их лежал из Индии через Гималаи и Каракорумские горы, пересекал высокогорную долину Ладак и кончался в Яркенде и Кашгаре. Заявляя, что они посещают страну исключительно для налаживания торговых сношений, не было ничего подозрительного в том, что члены миссии фиксируют точные географические координаты всего, что встречается им на пути: горы, перевалы, реки, долины, редкие населенные пункты и т.д. В отчете одного из членов экспедиции сообщалось, что «путь туда невероятно труден и утомителен»[18, 1874.16.05].

То, как репрезентуется путешествие членов миссии Д. Форсайта на страницах газет и в мемуарах члена экспедиции доктора Беллью, скорее напоминает приключенческий жанр европейского романа XIX века, чем отчет. Этот жанр, действующий в рамках неоромантической системы ценностей, стал одним из выражений художественной версии «нового империализма» в последней трети XIX в. Члены миссии шли нехоженными путями в неизвестную страну, бросали вызов смерти и боли. Они вполне представляются читателям «героями своего времени», на которых стоит равняться, действующих на благо родине, воплощающих собой моральное кредо «сильного человека», воспетого в романах этого периода. Наши герои действовали «отнюдь не в тепличной среде, сталкиваясь<...>с чрезвычайными обстоятельствами, требующими напряжения всех сил, энергичных, самостоятельных решений и

действий»[12, с.6]. Так, отважные члены экспедиции были поставлены в дикие условия «этой негостеприимной местности»[12, с.139], с истинно англосаксонским мужеством вынося проблемы нехватки кислорода в горах, ночевки на ледниках, сильные ветра и холод, жгучую белизну снегов, срыв людей и лошадей с обрывов, пургу. Доктор Беллью вспоминал: «экспедиция двигалась медленно, с усилиями от станции до станции, где можно было поесть, отогреться и отдышаться, поджидая багаж»[2, с.14].

Тематика записок доктора, посвященная описаниям дороги в Кашгарию, авантюрно-приключенческая, которую впервые использовал еще Д. Дефо. Так, проход Санджу - один из самых сложных - наиболее соответствует художественному описанию невзгод, выпавших на долю смелых миссионеров: «характер подъема...особенно дик и неприятен. А между тем это только слабое представление того, что нам показал следующий день. Горы возвышаются на страшную высоту совершенно голые, неровные утесы хмурятся над узкими ущельями, извивающимися между ними, и смотрят с угрозой, вполне объяснимой массой осколков, ...которые отскочив от верхних скал, ушибли наших проводников и лошадей...Не смягченная дикость мест утомительна своим однообразием...Со всех сторон сланец и шифер, и со всех сторон одинаково обнажен и отвратителен...Высота этого места равнялась 12,050ф., и холод был жестокий». «Дорога наша - если только можно назвать дорогой место, по которому мы вели своих лошадей, карабкаясь, перелезая и

перескакивая через груды утесов, то попадая в расщелину между камнями, то шагая через труп вьючной лошади, которая, не в силах будучи служить, заполняла телом своим яму, и улучшала путь для следующих товарищей по труду»[2, с.154].

Не только привычные лошади сопровождали европейцев на пути в Кашгарию. Экзотика Восточного Туркестана представлена на страницах журнала визуальным образом верблюда. Ведь, в отличие от Индии, здесь культура и народы малоизвестны англичанам и привлекают внимание читателей. Интерес к «кораблям пустыни» (см. рис. 1) следует объяснять также коммерческой необходимостью, так как верблюд в этих землях – главный транспорт, «выносливые верблюды, которые в частом употреблении в этой стране, готовы преодолеть как далекие пустыни Гималаев и Памира, так и зыбучие пески пустыни Гоби»[18, 1875.23.01]. Иллюстрация дает нам образ из повседневной жизни – привал торгового каравана на горной тропе. Здесь интерпретация сводится к экзотичному восприятию «этого навьюченного животного». Двугорбый верблюд – это и предмет изучения, и незаменимый транспортировщик груза. Образ вьючного животного абсолютно типичен для восприятия среднеазиатских государств, его мы встречаем и в описаниях Афганистана. В какой-то степени, спокойствие, неторопливость, размеренность поступи, благородство, выносливость верблюда ассоциируется с образом самого Востока. Это хорошо видно из иллюстрации, которая так гармонично рисует сцену отдыха навьюченных товаром верблюдов

и каравановожатых. «Это может показаться удивительным, но дело в том, что торговый караван совершает свои переходы главным образом ночью, так как короткие осенние и зимние дни почти полностью заняты пастьбой верблюдов. Выступает караван вскоре после заката и идет всю ночь почти до рассвета; днем каравановожатые спят, готовят себе пищу, а верблюды после отдыха пасутся. Ночью в поисках корма они бы разбрелись далеко по степи, могли бы подвергнуться нападению волков или конокрадов, тогда как днем они всегда на виду и их можно быстро собрать для вьючки»[10, с.78].

Основа мироощущения автора мемуаров, доктора Беллью, проявляется через динамику рассказа: меняются места, люди, впечатления, он рисует себя и своих соотечественников людьми действия, противопоставляя это действие пассивности и боязливости туземцев. Случай проверить на деле волевые качества обеих сторон скоро представился: при подъеме на перевал Санджу случился обвал, «ужасный треск<...>верхняя часть прохода была одета густым туманом, из-под которого по краям виднелись люди и скот<...>Пока мы на них смотрели, другой обвал обрушился на сто<...>ярд вправо от прохода и покатился в бездну тотчас же за тем местом, с которого мы смотрели на проход»[2, с.158]. Счастливая случайность уберегла жизни экспедиторов, и доктор Беллью, вернувшись на тропинку, чтобы «сесть на яка» встретил одного из турок, оставленного им у подножия крутизны. «Он был до того расстроен, что не обращал внимания на развевающееся по ветру свое широкое платье. Взглянув на

меня с печальным видом, уныло качал головой, и монотонно повторял: 'Фана! Чок фана!')[в переводе: «страшно, очень страшно!»], цит. по: 2, с.159]. Какая реакция в чрезвычайных обстоятельствах должна была последовать от неоромантического героя? Конечно, ему на выручку незамедлительно приходит чувство юмора: «я не мог удержаться от смеха при его забавном выражении горя». Более того, моральное кредо долга и помощи ближнему заставляет доктора «ободрить его, дав глотнуть водки из моей медной фляги, что он сделал не хуже христианина и посадил его на своего пони»[2, с.159]. Как и в структуре романтического произведения, так и в мемуарах доктора обязательно присутствует противопоставление крайностей - в данном примере - смелости англичан и трусости местных жителей.

Экспедиционные зарисовки помогают читателям составить впечатление о трудностях и опасностях дороги: долина р.Шайок среди Каракорумских гор - пустыня и сурова ко всему живому (см. рис. 2), воды реки наполняют растаявшие ледники, через которые переправлялись люди и вьючные животные (см. рис. 3). Приходилось пробираться через «узкие ущелья, окаймленные гранитными горами, отягощенными вечным снегом»[2, с.225], «завтракать на высоте 17.000 ф. над уровнем моря. Держать путь длиной в 18 миль через ледники, по сравнению с которыми ледники Швейцарии - ничто»[19, 1874.16.01]. Экспедиция сталкивалась с опасными расселинами в ледниках, не видных под слоем вновь выпавшего снега. Доктор Беллью, сопровождавший экспедицию, в своем отчете писал,

что «многие из наших спутников страдали на высоте головной болью, тошнотой и головокружением, так что даже сваливались с лошадей, причем нередко повреждали себе щеки и руки об утесы и лед». Учитывая, что звание доктора само по себе обязывает к проявлению стойкости и бесстрашия перед лицом смерти, а также милосердия к не имеющим таковых добродетелей людям, мы наблюдаем иное противопоставление крайностей, когда миссия пробиралась через Каракорумское плато. Люди и животных «страдали от недостатка необходимого кислорода...некоторые из нашего отряда совершенно падали, и просили моей помощи». А страдания одного «отважного» афганца очень «забавляли из-за сердитого ворчания и жалоб»[2, с.118,132-133]. Стойкости мирного доктора противопоставит нехватка самообладания воина-афганца, клянчащего «медикаментов», хотя ему в большей степени привычны горные трудности, чем европейцам. Подобных примеров, когда полярные характеристики помогают англичанам осмысливать некую схожесть между «Своим» и «Чужим», множественны. Картину дополняла зарисовка и описание транспортировки багажа через перевал Угрюмый – последний рубеж к Яркенду: «Холод был ужасный, и по реке кое-где бежали льдины, переправляться через нее было не очень приятным делом<...>над нами висели остроконечные пики гор, ненадолго пропускающие дневной свет, что оправдывало название местности – Угрюмый перевал»[18, 1874.24.01]. (см. рис. 4)

Виды «голой бесплодной почвы», «ужасное уединение пустыни» и «преграды мрачного ущелья»[2, с.163]

постепенно сменяются этнографическими подробностями городской жизни в «средоточии Азии». Добравшись в конце сентября 1873 г. до Яркенда, миссия сэра Д. Форсайта имела в распоряжении три недели для сбора всевозможных данных, чтоб затем двинуться к Кашгару. Какими англичане рисовали себе города, подвластные Якуб беку? Свойственный неоромантизму реалистический окрас лишает Кашгарию «ослепительного блеска, наполняясь тревожной и значительной реальностью»[4, с.22] цивилизационного убожества кашгарских городов.

Столицы они характеризуют как «древние города», что в восприятии англичан отождествляется с понятиями отсталости, упадка, ушедшего величия: «Вероятно, Яркенд, этот древний город, не сильно изменился со времен Марко Поло - пяти с половиной вековой давности. Он построен из глины и грязи, и окружен стеной из тех же материалов 25 ф. на 30 ф. в высоту с пятью воротам».[18, 1874.16.05], (см. рис. 5). Англичане обнаруживают плохую обороноспособность города, разгильдяйство властей, наблюдая, что: «рва нет, и высота стен значительно складывается горами мусору, образующими местами скат, начинающийся от самого верху, так что взобраться на стену вовсе не трудно». Характерен взгляд путешественников на стражников форта и внутренних сооружений города: они сравниваются «со статуями» или с «деревянными обрубками, безмолвными и неподвижными»[2, с.195, 200].

Описывая свои наблюдения за повседневной жизнью яркендцев, англичане обнаруживают много

существенных отличий от европейских реалий жизни, вызывающие неприятие и отторжение. Так, отсутствие водопровода объясняет популярность городских водоемов, которые становятся знаком инаковости для англичан. Они отметили одну особенность, «не встречаемую нигде более в Центральной Азии», а именно - «маленькие скверы с водоемами, в тени прекрасных серебристых тополей и ив». Но «прекрасное» на этом и заканчивается. Уличные нечистоты и пыль, «женщины, стирающие грязное белье и тут же - мужчины, наполняющие свои капаки (пустые тыквы)». Символ антигигиены описан в оттенках возмущения и безразличия: «дно совершенно черно от опавших листьев и от слоя пыли, нанесенного ветром». В этих рассадниках заразы, как узнали члены экспедиции, «зимой, когда замерзают каналы, вода не меняется по три, четыре недели кряду». Никакой экзотики, только хаос, нечистоты, запустение звучат в оценках внешнего и внутреннего устройства города: «Улицы и дома кривы и неправильны, как и всюду в городах Востока<...>частные жилища снаружи имеют такой вид, как будто они оставлены в полном небрежении, а лавки на базарах и улицах хуже, чем в городах Индии»[2, с. 196]. Отсутствие культуры городского пространства, подмеченное англичанами, позволяет характеризовать население «полуварварами»[21, 1875. 2.02; 22, 1875.2.02; 17, 1875.3.02]. И найти что-то, достойное внимания в полуварварском государстве, становится все сложнее: «там и сям посреди улиц мы не встречаем ничего достойного внимания, кроме ворчащих на нас паршивых, голодных собак, обнюхивающих кучи мусору, да

детей, играющих с детским увлечением в грязи перед дверями домов»[2, с.206].

Изображения мусульман в наших иллюстрациях всегда однотипны. Визуальная характеристика мужчин из номера в номер, независимо от географии местности проявляется в изображении бороды, чалмы или тюрбана, платья. Это визуальные знаки чужака, иноверца. Ведь, по меткому замечанию Н.А. Белолипецкой, «провозглашение собственного религиозного превосходства было еще одной стороной представления об универсальности технического прогресса. Логическая связь была достаточно простой: поскольку Запад смог добиться выдающихся успехов на пути прогресса, то породившая этот прогресс религия автоматически также становилась передовой по сравнению с остальными» [5, с. 221-228].

Оказавшись в зоне, более цивилизованной, чем ущелья, перевалы и долины, тональность отчетов и писем членов экспедиции на родину претерпевает заметные изменения. Сэр Д. Фосайт писал своему брату Вильяму: «что поразило меня больше всего - это атмосфера комфорта, витающая над его владениями. Вдоль улиц городов виднеются магазинчики. Торговцы здесь хорошо устроились. Обыватели хорошо одеты, носят качественную обувь, пальто, и даже самый нищий попрошайка не остается голодным. Еды здесь в изобилии, у жителей всегда на столах есть мясо»[21, 1874.3.04; 20, 1874.3.04]. (см. рис. 6) Эти сведения представляют значительную важность в свете официальной цели британской миссии в Восточный Туркестан, а именно - «добиться от Якуб Бека

торговых льгот наподобие предоставленных русским»[13, с.413.]. Здесь имеется ввиду русско-кашгарский торговый договор, заключенный в 1872 г [9]. Изначально было ясно, что англо-индийская торговля в Восточном Туркестане не могла приобрести большого масштаба и конкурировать с российской в силу несравнимо более благоприятных условий, которыми располагала Российская империя для осуществления торговли в этом крае: географически Восточный Туркестан более тесно примыкал к Русскому Туркестану, был более доступен для проникновения со стороны Российской территории, чем со стороны Британской Индии и даже внутреннего Китая. Как выяснит путешественник Шоу, а следом за ним и миссия Д. Форсайта, высокогорный Каракорумский перевал, через который могло осуществляться караванное сообщение между Индией и Восточным Туркестаном, был открыт только пять-шесть месяцев в году. К тому же для реализации на восточнотуркестанском рынке привозился по преимуществу товар, производившийся не в Англии, а в индийских городах, которые облагались в Индии таможенной пошлиной [7, с.177]. Таким образом, подвел итог П. Хопкирк, «обширные рынки для европейских товаров, в которые так верили англичане, оказались иллюзией»[13, с.418].

Но в 1873 г. сэр Д. Форсайт и члены его миссии надеялись, что рынки Азии - бездонны, доктор Беллю засвидетельствовал, что ему «были показаны образцы так называемого 'павлиньего золота' - с примесью сернокислой меди, найденного в Шайокской долине»[2, с.121]. В

двенадцати милях от Шахидулла, выше по р.Каракаш, экспедиторы обнаруживают «нефритовые копи у подножья Куэнлуньского хребта». В свете этой информации муниципальные торговые палаты, частные торговые компании и предприниматели буквально наводнили в феврале - апреле 1873 г. индийский форин офис заявлениями, требуя ускорить поиск новых караванных путей в Кашгарию, и активизировать торговлю с Якуб бекком посредством заключения торгового договора. Подобный энтузиазм был также вызван заявлением предыдущего путешественника в эту страну - Р. Шоу о том, что английских купцов там ждет торговля «с шестью миллионами потребителей чая и ситца»[1, с.119].

Члены миссии Форсайта видели, что страна Якуб Бека «богата природными ресурсами. Золото, медь, свинец, каменный уголь имеются в любых количествах»[21, 1874.03.04; 22, 1874.03.04]. Но самое главное, отмечал глава экспедиции, «правитель имеет сильное желание вести их добычу»[22, 1875.02.02]. И, недвусмысленно добавлял он, «в мою задачу входит склонить его волю в русло созидательного начала, и я уверен, что если бы Якуб хан был более последовательным, то многого бы добился в деле разработки полезных ископаемых своего королевства». Вне всякого сомнения, сэр Дуглас рассчитывал поспособствовать этой добыче всеми силами при условии, что разработка природных ресурсов будет вестись под британским контролем.

Структура описаний, свойственная викторианской прессе, предусматривает контрастное изображение

разных тем и сюжетов. Так, все, что члены миссии видят в «этой восточной стране»[22, 1875.02.02] представляется им «интересными контрастами». Например, фигура дервиша или «попрошайки» привлекла внимание англичан. «Дервиш, стоящий на самой нижней ступени социальной лестницы, снискал уважение ни много ни мало, самого Правителя, который правит миллионами и владеет несметными сокровищами»[18, 1874.14.11]. Иными словами, здесь осмысление инаковости реалий мусульманского мира строится по принципу антитезы. Более того, С.И. Лучицкая пришла к выводу, что в этом случае «инаковость чужих традиций не только не принимается в расчет, но и наделяется отрицательным смыслом»[8, с.347]. Поэтому уважение, исходящее от власть имущих к попрошайкам, кажется нелепым и противоречит принципам логики европейского мира. Англичане прямо заявляют, что «дервиш Центральной Азии - истинное воплощение восточной жизни», как они себе ее представляют: «леность, фанатизм, неопрятность: вот черты, почитаемые как достоинства, которые тот постоянно демонстрирует на публике»[18, 1874.14.11]. Наполняя уже имеющийся в национальной памяти обобщенный образ Востока новыми оттенками, англичане отмечают, что даже «религиозный фанатизм, свойственный их словию»[2, с.210], на самом деле отражает лишь стиль жизни населения Восточного Туркестана, «которые обычно придаются забаве и веселью, а дервиши, столь популярные в стране, должно быть нечто вроде трубадуров». Описание внешнего вида дервиша как

атрибутов инаковости, соответствует внутреннему содержанию этой фигуры: «одетые в лохмотья, дервиши презирают холод и топят заботы в диких песнях своего ремесла<...>Они носят<...>какую-нибудь шкуру, закинутую на спину. Спереди висит на шее нищенское корытце, а в руке толстая дубина или железная палка с бренчащими кольцами. Это бренчанье составляет аккомпанемент к их песням»[18, 1874.14.11]. (см. рис. 7) Доктор Беллью характеризует их как «ленивый и негодный народ». Их «неистовство»[17, 1874.13.11] воплощает нечто иррациональное, нездоровое и противопоставлено рациональности и здравомыслию европейского мира.

Таким образом, антитеза - наиболее яркий прием, который позволяет читателям осмыслить различие между их миром и миром Азии в категориях дихотомии. Конечным образом в умах викторианцев является разведение европейцев и кашгарцев по разные стороны полюса.

Символика восприятия географического положения этой местности, располагающегося «в самом центре азиатского континента»[18, 1874.28.11] свободно проецируется и на культурную составляющую образа региона - это средоточие Азии. Какую смысловую нагрузку несло в себе такое определение? Безусловно, какая бы заморская культура не бралась в расчет, она заранее проигрывала британской в уровне развития, будучи сравненная с ней по уровню цивилизованности и прогрессивности. Такая недифференцированность Востока («Восток есть Восток» - «они»)

противопоставляется мощи Запада. Этноцентризм ярко иллюстрируется такими культурными стереотипами восприятия Кашгарии, как низкий уровень цивилизованности, невежества и варварства туземцев: «жителей Центральной Азии отличает узость взглядов на цивилизацию<...>они склонны ко многим предрассудкам». Такие примеры, как ознакомление местных жителей с образцами последних технических новинок, формируют для читателя яркий образ «Другого». Так, «подарки посланника к эмиру<...>возбудили удивление<...>Швейные машинки<...>скоро попали в гарем, где прекрасные пальчики не замедлили их испортить». Мало того, человек посланный эмиром для обучения технике шитья, «оказался плохим учеником». Благодетели, рассчитывавшие на горячую благодарность, встретили непонимание и недоверчивость: «мы рассчитывали показать силу телеграфного аппарата через передачу сообщений из резиденции посланника во дворец эмира и обратно<...>Но его высочество не выражал желания видеть его в действии». «То же было», - сетует доктор Беллью, - «и с моделями паровозов и пароходов». Вывод не замедлил себя ждать: доктор объясняет отсутствие разумного любопытства «предрассудком, что они (техника) измышления дьявола», и тут же дает более рациональное пояснение: «придворные и эмир совершенно не поняли смысла их употребления и силы»[2, с. 148, 230].

Таким образом, описание долгого, опасного пути в неведомое для викторианцев азиатское царство подогрело интерес к конечной цели путешествия - его столице, а посредством

употребления таких лексических средств художественной выразительности, как сравнения и эпитеты, статьи и иллюстрации формировали образ Восточного Туркестана как страны суровой, угрюмой, холодной и дикой [18, 1874.10.01].

Перспектива торговли с «шестью миллионами потребителей чая и ситца» [20, 1874.02.03] оказалась мыльным пузырем. Путешествие в Кашгар, профинансированное Королевским Географическим обществом во главе с сэром Генри Роулинсоном, воспринималось как географический аспект Большой Игры [13, с.402]. И на этом поприще - сбора топографических данных - англичане значительно преуспели. Еще никогда английские

военные не приближались так близко к русским пределам: от Нарынского укрепления их отделяло несколько десятков км. После визита Форсайта Кашгар стал рассматриваться не как плацдарм прямого вторжения в Индию, а как потенциально богатая база снабжения войск на фланге вероятного удара, наносимого значительно западнее (через Кабул и Пешавар в Пенджаб) [1, с.123]. Соответственно и британская пресса, привлекая внимание общественности к теме Восточного Туркестана, стремилась реализовать новый элемент имперской идеи, подготавливая жителей метрополии к возможным активным действиям в Кашгарии против России.

Список литературы

1. Басханов М.К. Политика Англии в отношении государства Якуб-бека. - Из истории международных отношений в Центральной Азии. Алма-Ата, 1990. -198 с.
2. Беллью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873-1874 гг. СПб., 1877. – 309 с.
3. Богомолов С.А. Художественная версия концепции «Нового империализма» в неоромантизме Р.Л. Стивенсона // Вестник ОГУ.2004. №2. С.26-29.
4. Богомолов С.А. Художественное пространство Британской империи в творчестве Дж. Конрад // Вестник ОГУ, 2004. № 6. С.21-27.
5. Белолипецкая Н. А. Формирование британских стереотипов восприятия Египта в конце XIX – начале XX в. // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 4(66). С. 221-228.
6. Канонистова З.С. Стереотипы восприятий и представлений в истории. Особенности формирования образа «чужого» народа (на примере восприятия англичан в русском обществе во второй половине XIX – начале XX вв.) [Электронный ресурс]: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9738/11.pdf> (режим доступа: - 06.07.2010)
7. Кляшторный С.Г., Колесников А.А., Басханов М.К. Восточный Туркестан глазами европейских путешественников. Алма-Ата, 1988.
8. Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.- 412 с.
9. Моисеев С.В. Миссия А.В. Каульбарса в Йэттишаре и подписание русско-кашгарского торгового договора в 1872 г. // Россия, Сибирь и Центральная Азия:

взаимодействие народов и культур. Материалы III международной научно-практической конференции. Барнаул, 2001.

10. Обручев В.А. В джунглях Центральной Азии. М., 1951.- 320 с.
11. Постников А.В. Схватка на „Крыше Мира” (политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX в.): Монография в документах. М., 2001. — 512 с.
12. Урнов М.В. Джозеф Конрад. М., 1977. - 268 с.
13. Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М., 2004.- 640 с.
14. Alder Dr Garry. British India's Northern Frontier, 1865— 1895. 1963. L., 1963.- 271 p.
15. Boulger D.C. The life of Yakoob-Beg: Athalik Ghazi and Badaulet: Ameer of Kashgar. L., 1878.-321 с.
16. Forsyth T.D. Report of a Mission to Yarkand in 1873. Calcutta: Foreign Department Press, 1875. - 405 p.
17. The Daily Telegraph. 1874-1875
18. The Illustrated London News. 1874-1881.
19. The Leeds Intelligencer. 1878.
20. The Manchester Courier. 1874-1875, 1878.
21. The Morning Post. 1874-1876.
22. The Standard. 1874-1876.

THE IMAGE OF THE COLONIAL "OTHER": EAST TURKESTAN IN THE VIEWS OF THE BRITISH IN THE 1870s.

The article reveals the mechanisms of the East Turkestan's image representation which represented in British press during Kashgaria's expedition of sir D. Forsythe - an official of the Anglo-Indian administration and the political Adviser on Central Asian Affairs. The theme fits into the problems of the image of the colonial "Other". The process of its formation is shown through the investigation of the textual and visual components of the East Turkestan's image which represented in British press during the period. It is the analysis of the novation and continuity of metropolitan citizens' perception of their colonies that is in the focus of our attention in the first mass illustrated magazine "The Illustrated London News" and such conservative press as "The Daily Telegraph", "The Morning Post", "The Standard", "The Manchester Courier", "The Leeds Intelligencer". It is the analysis of specific stylistic means that helps to construct the image of the colonial "Other" on the pages of the British press. The author analyzes the peculiarities of the Victorians' perception of the political titlature of East Turkestan, local residents, their appearance and personal qualities, natural conditions, cities, settlements, and features of everyday life.

Keywords: image, colonial, "Other", difference, semi-barbarians, representation, perception, Victorian ideas, stereotype.

References

1. Baskhanov M.K. (1990). Politika Anglii v otnoshenii gosudarstva YAkub-beka. - Iz istorii mezhdunarodnyh otnoshenij v Central'noj Azii [The policy of England in relation to the state of Yakub-bek. - history of international relations in Central Asia].

Alma-Ata. 198 s.

2. Bell'yu. (1877). Kashmir i Kashgar. Dnevnik anglijskogo posol'stva v Kashgare 1873-1874 [Kashmir and Kashgar. Diary of the British Embassy in Kashgar 1873-1874]. SPb. 309 s.

3. Bogomolov S.A. (2004). Hudozhestvennaya versiya koncepcii «Novogo imperializma» v neoromantizme R.L. Stivensona [An artistic version of the concept of "New Imperialism" in the Neo-Romanticism of R. L. Stevenson] // Vestnik OGU. №2. S.26-29.

4. Bogomolov S.A. (2004). Hudozhestvennoe prostranstvo Britanskoj imperii v tvorchestve Dzh. Konrad [The art space of the British Empire in the works of J. Conrad]. // Vestnik OGU. № 6. S.21-27.

5. Belolipeckaya N. A. (2009). Formirovanie britanskih stereotipov vospriyatiya Egipta v konce XIX – nachale HKH v. [Formation of British stereotypes of perception of Egypt in the late XIX-early XX century]. // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. № 4(66). S. 221-228.

6. Kanonistova Z.S. (2010). Stereotipy vospriyatij i predstavlenij v istorii. Osobennosti formirovaniya obraza «chuzhogo» naroda (na primere vospriyatiya anglichan v russkom obshchestve vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.) [Stereotypes of perceptions and representations in history. Features of the formation of the image of the "foreign" people (on the example of the perception of the British in Russian society in the second half of the XIX-early XX centuries)]. [Elektronnyj resurs]: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9738/11.pdf>

7. Klyashtornyj S.G., Kolesnikov A.A., Baskhanov M.K. (1988). Vostochnyj Turkestan glazami evropejskih puteshestvennikov [East Turkestan through the eyes of European travelers]. Alma-Ata. 290 s.

8. Luchickaya S.I. (2001). Obraz Drugogo: musul'mane v hronikah krestovyh pohodov [The image of the Other: Muslims in the chronicles of the Crusades]. SPb. 412 s.

9. Moiseev S.V. (2001). Missiya A.V. Kaul'barsa v Jettishare i podpisanie russko-kashgarskogo trgovogo dogovora v 1872 g. [A. V. Kaulbars ' mission to Yettishar and the signing of the Russian-Kashgar trade treaty in 1872]. Rossiya, Sibir' i Central'naya Aziya: vzaimodejstvie narodov i kul'tur. // Materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Barnaul. S. 15-28.

10. Obruchev V.A. (1951). V debryah Central'noj Azii [In the wilds of Central Asia] Moscow. 320 s.

11. Postnikov A.V. (2001). Skhvatka na „Kryshe Mira” (politiki, razvedchiki i geografy v bor'be za Pamir v XIX v.): Monografiya v dokumentah [The battle on the "Roof of the World "(politicians, scouts and geographers in the struggle for the Pamirs in the XIX century)]. Moscow. 2001. 512 s.

12. Urnov M.V. (1977). Dzhozef Konrad [Joseph Conrad]. Moscow. 268 s.

13. Hopkirk P. (2004). Bol'shaya Igra protiv Rossii: Aziatskij sindrom [The Big Game against Russia: Asian Syndrome]. Moscow. 640 s.

14. CHuchin-Rusov A.E. (1996). Gendernye aspekty kul'tury [Gender aspects of

culture] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. №6. S.141-153.

15. Alder Dr Garry. (1963). *British India's Northern Frontier, 1865— 1895*. L. 271 p.

16. Boulger D.C. (1878). *The life of Yakoob-Beg: Athalik Ghazi and Badaulet: Ameer of Kashgar*. L. 321 c.

17. Forsyth T.D. (1875). *Report of a Mission to Yarkand in 1873*. Calcutta: Foreign Department Press. 405 p.

18. *The Daily Telegraph*. 1874-1875

19. *The Illustrated London News*. 1874-1881.

20. *The Leeds Intelligencer*. 1878.

21. *The Manchester Courier*. 1874-1875, 1878.

22. *The Morning Post*. 1874-1876.

23. *The Standard*. 1874-1876.

Список иллюстраций

Рисунок 1 - *The Illustrated London News*. 1875. 23 января.
Корабль пустыни.

Рисунок 2 - The Illustrated London News. 1874. 16 января.
Долина реки Шайок.

Рисунок 3 - The Illustrated London News. 1874. 16 января.
Угрюмый перевал.

Рисунок 4 - The Illustrated London News. 1874. 24 января. Переправа.

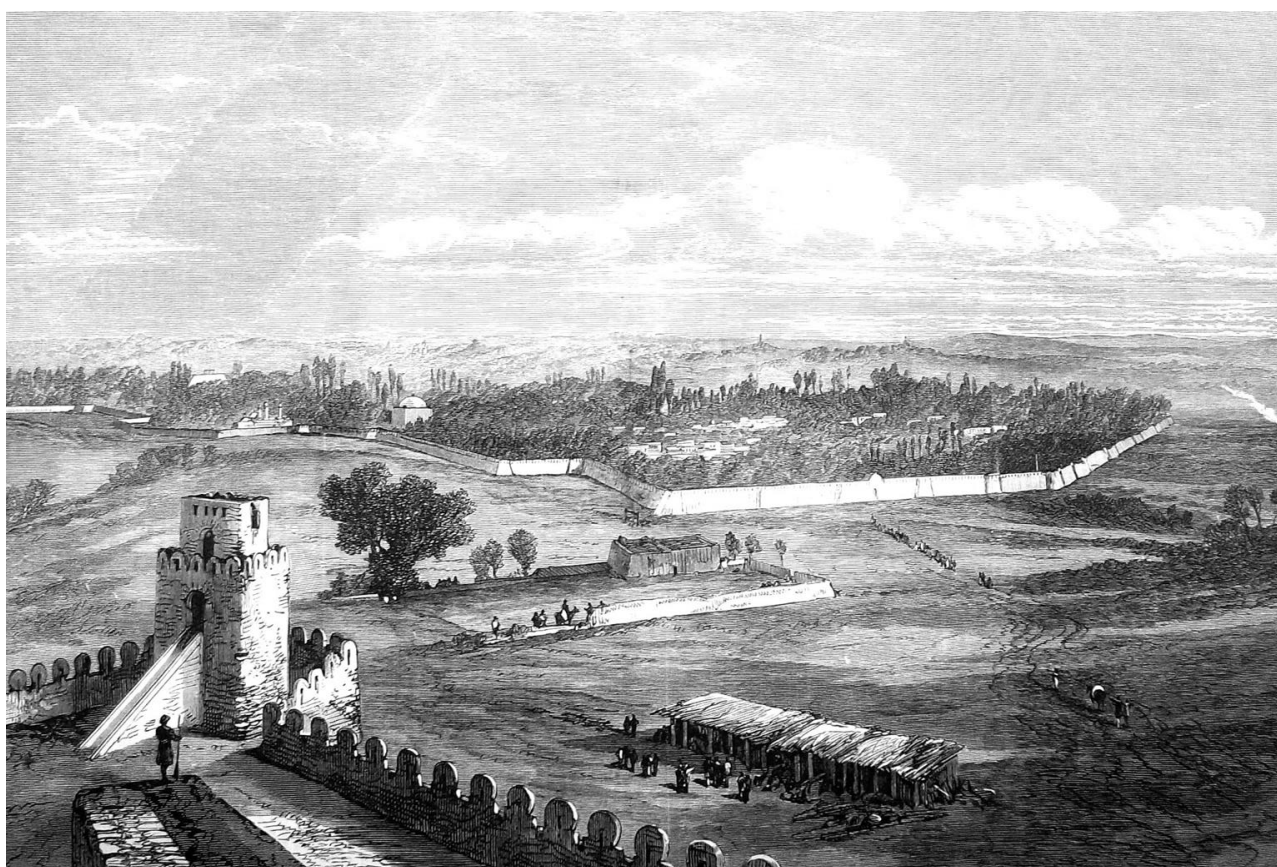

Рисунок 5 - The Illustrated London News. 1874. 16 Мая. Яркенд.

Рисунок 6 - The Morning Post. 1874. 3 апреля. Уличные торговцы.

Рисунок 7 - The Illustrated London News. 1874. 14 ноября. Дервиши.

Об авторе

Богомолова Наталия Николаевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия), E-mail: natalie_bogomolova@mail.ru

Bogomolova Natalia Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, senior lecturer of the department of General History, Bryansk State University (Russia), E-mail: natalie_bogomolova@mail.ru